

Пусть на горизонте и появился очередной «завоеватель», явно перепутавший сценарий, Юнь Мэнцзэ решил, что в этот раз можно слегка расслабиться. По крайней мере, новый визитёр проходил по категории «шурин». Если только из ниоткуда не вынырнет какая-нибудь младшая сестрёнка с воплями «муж мой!», ему хотя бы не придётся терпимо переносить ежедневные домогательства, как с предыдущими двумя.

Фэн Дунъюэ пристально уставился на него:

— Ты не откроешь коробку?

Судя по тону, он не отступится, пока лично не удостоверится, что Юнь Мэнцзэ оценил подарок. Мэнцзэ поддел крышку. На верхнем ярусе покоился явно дорогой шоколад, а под ним ровными рядами выстроились изящные фигурные сладости.

Шоколад явно покупной, а вот выпечка смахивала на домашнюю. Мэнцзэ наугад взял один десерт и отправил в рот. Нежная, рассыпчатая корочка легко подалась, и на языке разлилась освежающая сладость грушевого цвета. А ведь и вправду вкусно.

— Сладости отличные, передай сестре спасибо, — Юнь Мэнцзэ закрыл коробку, погладил пса по лобастой голове и со смешком добавил: — Пошли, Лэйтэн, провожу вас.

Золотой Цилинь атрибута Грома вывалил язык, с тоской прощаясь с новым хозяином. Псу смертельно не хотелось покидать единственного в мире ценителя, разглядевшего в нём редкую породу, а не дворовую дворнягу.

Фэн Дунъюэ ничего не ответил, лишь мельком щелкнул камерой телефона, пока Мэнцзэ трепал Дахуана.

После того разговора с Ли Юй Фэн Дунъюэ твердо решил лично приготовить для Юнь Мэнцзэ его любимые лакомства.

Увидев, как грозный босс засучил рукава и занял кухню ресторана, помощник Ли чуть не лишился дара речи — он и понятия не имел, что у его начальника есть столь трогательная жилка.

Фэн Дунъюэ убил весь день: пёк печенье с грушевым цветом, виноградом и ананасом. Он заботливо отдал заказ мастеру-краснодеревщику на резную шкатулку, уложил угощение, а сверху прикрыл самым роскошным и дорогим шоколадом, какой только смог найти.

Когда Юнь Мэнцзэ открывал крышку, сердце Фэн Дунъюэ замирало. Это было испытание. Проверка их чувств.

И вот, когда Мэнцзэ проигнорировал пафосный элитный шоколад, протянув руку к скромному

грушевому печенью, Фэн Дунъюэ мысленно воссиял.

«Он понимает! Он помнит! Я и впрямь его любимая сладость!»

Более того: «Сладости очень вкусные» в его системе координат равнялось «у тебя золотые руки». А уж если применить каскадную логику дальше: Мэнцзэ съел то, к чему прикасались его пальцы — считай, облизал его подушечки пальцев! А это прямо намекает: «Я жажду съесть тебя целиком!»

Гений самовнушения Фэн Дунъюэ стоял на газоне с абсолютно каменным лицом, хотя в его душе распускались пышные розовые облака, затапливающие весь небосвод, и даже свежий бриз, казалось, окрасился в нежные пастельные тона.

Юнь Мэнцзэ даже не подозревал, какую лавину ассоциаций вызвало его обыденное спасибо. По плану Бай Мо, сегодня вечером они собирались праздновать день рождения Чжу Сяонань. Мэнцзэ заглянул за ней на пост медсестер. Вскоре Сяонань вышла из раздевалки: с безупречным макияжем, в черной блузе с пышными рукавами-воланами и клетчатой юбке-рыбке. Выглядела она невероятно женственно и соблазнительно.

— Нарядилась так сексуально... — усмехнулся он. — Пожалей своих безнадежно влюбленных ухажеров.

Чжу Сяонань жила в том же общежитии, по соседству. Ей исполнилось двадцать девять, и она до сих пор оставалась убежденной холостячкой. Окружающие изводились, пытаясь ее сосватать, но сама Сяонань твердила, что замуж не собирается, крутить романы ей лень, а одинокая жизнь — сплошное удовольствие.

— Все равно тебя среди этих ухажеров нет, — повела она бровью. — Чего ради ты за них переживаешь?

Аргумент был настолько железобетонным, что Мэнцзэ лишь развел руками. Он вручил ей купленный днем подарок. Сяонань небрежно засунула коробку в шкафчик.

— И даже не взглянешь? — изобразил разочарование Юнь Мэнцзэ. — Могла бы хоть вид сделать, что тронута!

— Да брось ты эти ужимки, — фыркнула Сяонань. — Ты на этой неделе пахал как проклятый, откуда у тебя время бегать за подарками? Я и без проницательности знаю: там кружка из ближайшей кофейни, прямо как в прошлом году.

Юнь Мэнцзэ расхохотался. Попала в самую точку.

Забрав машинально оставленные ключи, они отправились в центр, где Бай Мо с компанией

забронировали столик в баре. Мэнцзэ хотел отнекаться от алкоголя, сославшись на то, что он за рулем, но молодежь дружно заявила: «Зачем придумали услугу „трезвый водитель“?», так что отказываться было неловко. Взяв бутылку, он забился в угол дивана и наблюдал за весельем.

Опорожнив бутылку, Мэнцзэ выбрался из шумного зала и направился к уборной. У раковины он застал Бай Мо, плескавшего водой в лицо.

Мэнцзэ похлопал его по спине:

— Признался и получил отворот-поворот? Оплакиваешь разбитые надежды?

Бай Мо, погруженный в тоску, от такого вопроса фыркнул и невольно рассмеялся:

— Старший сокурсник, ты что, наперед все знал?

— В глубине души я искренне желал тебе успеха, — Юнь Мэнцзэ протянул ему бумажное полотенце, выражая сочувствие. — И что сказала сестра Сяонань? Опять затянула песню про то, что замуж не хочет, любовь ей не нужна, и она жаждет лишь свободы?

Бай Мо утерся и горько усмехнулся:

— Слово в слово! Вы, страдающие «аравматическим синдромом», всегда такие бессердечные? Хоть бы отговорку новую придумали! Отказывает каждый раз по методичке... Назвала бы другую причину, я бы хоть почувствовал себя особенным!

Юнь Мэнцзэ с легким сочувствием потрепал его по прохладной щеке:

— Даже самый изысканный отказ остается отказом. Это никак не отменит того факта, что встречать завтрашний рассвет тебе придется в гордом одиночестве.

Бай Мо не знал, то ли плакать, то ли смеяться:

— Ну спасибо, твои утешения напрочь убили всю печаль! Пойду тусоваться до утра!

Он махнул рукой и с наигранной беспечностью вернулся в VIP-кабинку. Мэнцзэ знал, что его младший коллега только притворяется легкомысленным, а на деле принимает все близко к сердцу, так что переживать он будет долго.

Мэнцзэ зашел в кабинку заведения по нужде. Вскоре к соседнему писсуару подошел мужчина. В пустом туалете вставать вплотную не было никакой необходимости — явно провокация.

Мэнцзэ повернул голову. Незнакомец тоже уставился на него с наглой, не совсем приличной ухмылкой.

— Доктор, я болен, — подмигнул статный красавец. — Спасайте!

— Угу, вижу, — с невозмутимым видом отозвался Мэнцзэ. — Тяжелый случай. Психогенная эректильная дисфункция.

— Пха! — Мужчина едва не промахнулся. — Это ты как определил?

— Гвоздь забить сможешь? — Юнь Мэнцзэ поправил одежду. — Пробить плиту из керамики? Алмаз расщепить? Нет? Ну вот и диагноз.

Мужчина опёрся рукой о стену и расхохотался во весь голос, сотрясаясь всем телом:

— Неудивительно, что ты ни с кем не встречаешься! С такими-то требованиями доктор Юнь вряд ли найдет себе пару на этой планете!

— Соблюдай приличия, — с брезгливой миной Мэнцзэ отошел к раковине. — Старший молодой господин Сун, какими судьбами? На работу забил?

Перед ним стоял Сун Луокуай — старший брат Сун Луоина и давний приятель Мэнцзэ. Братья не отличались сходством: у Луокуая был высокий рост, пронизательный взгляд и этакая сногшибательная бандитская харизма.

— Работа работой, а отдых по расписанию, — Сун Луокуай тоже подошел вымыть руки, но вдруг осекся: — Погоди-ка... Ты что, чей-то день рождения отмечаешь?!

Как старый друг, Луокуай знал дату рождения Мэнцзэ, но помнил и его железное правило: никаких празднеств в свой адрес.

— У коллеги праздник, — Мэнцзэ ополоснул руки и вытер их бумагой. — Ты почему к Луоину не заглянешь? Я же звонил тебе, рассказывал про его выходки. Ты правда не собираешься закрыть его долги?

Луокуай, узнав ранее, что кредитор его брата стал его соседом по палате, только посмеялся, заявив, что парню полезно получить урок. И сейчас его позиция не изменилась:

— Я вытащил его с улицы, упрятал в лучший санаторий, оплачиваю лечение и содержание — этого с него более чем достаточно. Если я погашу его долги, он до конца дней останется бесполезным слизнем. Так что давай, подлечи его поскорее, пусть валит на работу и отдаёт долги как нормальный мужик.

— Понимаю, — с легкой ухмылкой кивнул Мэнцзэ.

— А?

— Ты о нем заботишься, — подразнил его Мэнцзэ. — Сердце болит смотреть, как он бродяжничает, но и спуску дать не хочешь, чтобы человеком вырос. Ты просто типичная цундэрэ: на словах суровый, а на деле мягкосердечный.

— Завязывай с этим бредом! Какая ещё цундэрэ? Меня просто тошнит от его размазнистого вида, — хмыкнул Луокуай. Увидев, что Мэнцзэ собирается уходить, он придержал его за плечо: — Сяо Цзэ...

— Схлопочешь сейчас, — резко предостерег Мэнцзэ.

Луокуай отсмеялся и уже более серьезно произнес:

— Мэнцзэ, возвращайся ко мне.

— Я уже сто раз говорил: нет, — холодно отозвался тот.

Луокуай прислонился к раковине:

— Три года прошло. Неужели то дело до сих пор не дает тебе покоя? Все так делают! Ты был лучшим терапевтом в центре, мы всё уладили. Что тебя удерживает?

Юнь Мэнцзэ снял очки и промыл их под струей воды:

— Для меня это не пустяк. Если я сделаю вид, будто ничего не было, и продолжу в том же духе, я окончательно потеряю уважение к себе как к врачу и человеку.

У Луокуая была частная клиника для пациентов с редкими заболеваниями. Мэнцзэ когда-то работал там ведущим специалистом, но из-за одного инцидента уволился, сославшись на необходимость ухода за больной матерью. Однако и после её смерти он так и не вернулся. Луокуай знал его характер и не давил, но спустя время все же решил закинуть удочку. Отказ был ожидаемым.

— Ладно, гуляем дальше. Будет время — проведай брата, — Мэнцзэ надел очки, попрощался и вернулся к компании.

В полночь разрезали торт, стол заставили пустые бутылки. Молодежь потянула всех в караоке, Чжу Сяонань согласилась, заявив, что хочет продержаться трезвой до конца этих суток.

Юнь Мэнцзэ заночевать поздно не любил и шумные компании не жаловал. Сославшись на усталость, он отпустил остальных, вызвал «трезвого водителя» и отправился на искусственный остров. По привычке он первым делом направился в главный корпус.

Дежурным врачом оказался бедолага Гао Шиань. Он и сам мечтал оказаться на вечеринке и пропустить пару бокалов, но дежурство обязывало. Ночь выдалась спокойной, поэтому он от нечего делать шатался по коридорам, перебрасываясь словечками с медсестрами.

Появление Мэнцзэ среди ночи подействовало на него лучше крепкого кофе. Вышагивая павлином, он подошел ближе и язвительно завел:

— Какой рьяный доктор Юнь! В такой час пришел на проверку... Вы планируете переквалифицироваться в охранники или просто считаете нас криворукими, раз только себя держите за компетентного специалиста?

Мэнцзэ открыл рот, но случайно издал легкий винный перегар.

Гао Шиань поморщился:

— Выпили — так иди спать! В таком состоянии ты все равно ничем не поможешь, если что случится.

Мэнцзэ хлопнул ресницами:

— Чувствуешь?

— Еще бы! Воняет алкоголем на всю версту.

— Это дух свободы и веселья, доступный тем, кому не надо дежурить. Дарю возможность подышать!

—...

Завтра у Мэнцзэ был выходной. Забрав из кабинета стопку документов, он покинул главный корпус и в состоянии легкого хмельного умиротворения побрел к общежитию. Пройдя совсем немного, он ощутил странное покалывание в затылке. Невольно оглянулся: казалось, будто за ним кто-то идет.

Липкое ощущение не исчезало. Он вспомнил, как на днях подписывал контракт на второй сезон «Звёздной дедукции». Продюсер тогда в шутку предупреждал его о фанатах-сталкерах, рассказывая, что одного из постоянных участников шоу преследовал безумный поклонник и даже нанес тому травму.

Мэнцзэ тогда лишь посмеялся — какой из него айдол?

Да и санаторий лишь казался общедоступным. На деле вход на искусственный остров охранялся строго: досмотр, проверка документов, контрольно-пропускной пункт. Дедушка-охранник с Дахуаном на воротах лишь открывал шлагбаум после того, как посетитель прошел полную идентификацию в системе.

«Наверное, перебрал», — решил Мэнцзэ. Хмелел он мгновенно. Еще со студенческих лет за ним закрепилась репутация человека, пьянеющего от одного запаха спиртного, и с годами эта особенность никуда не делась.

Он присел на скамейку у аллеи, рассчитывая дожждаться ночного экскурсионного электромобиля.

Пока он дремал в полубабыти, рядом кто-то бесшумно опустился. Прохладная ладонь накрыла его глаза, и в то же мгновение губ касательным, невесомым движением, точно перо, коснулось нечто теплое.

<http://bllate.org/book/20119/1991981>